

имѣешь управленіе въ своемъ дворцѣ: я почивалъ у васъ эту ночь, а дочь ваша хотѣла украсть у меня драгоцѣнной камень, и приходи(ли) вотъ три козы и оставили вотъ по три кожи“, и подаетъ ему ихъ одежды.

Государь, выслушавъ такой разговоръ, побѣжавъ къ дочерѣ на ея половину и закричавъ: „Сряжайся поскорѣе въ свое драгоцѣнное платье; ты вотъ какъ дѣлаешь, — хотѣла украсть у гостя драгоцѣнной камень!..“

Она тутъ ужъ не могла отдуться, одѣлась въ свое драгоцѣнное платье и бракосочетались.

Вельскій у., дер. Давыдовская въ „Хмельникахъ“.

Зап. со словъ Ф. Старцева. 90-е годы.

24. Колдунъ и Анастасія прекрасная.

Жилъ-былъ старичокъ со старухой и былъ у нихъ одинъ сынъ. Вотъ онѣ сидели и ужинали, разговаривали со старухой. Старуха ему и говоритъ: „Вотъ, што, старикъ! отдадимъ мы мальчика куда нибудь въ ученье?“ „Можно, — отвѣтивъ старикъ. „Такъ въ утрѣ встань да и сведи его въ городъ!“

Старикъ по утру вставъ, взявъ мальчика и пошли въ городъ. Попадаетъ ему на встрічу челоѣкъ: „Здравствуй, говоритъ, старичокъ! Куда пошовъ?“ „Да, въ городъ, — отвѣтивъ старикъ. „А што надо въ городѣ?“ „Да, вотъ, говоритъ, повелъ мальчика, кабы отдать кому нибудь въ ученье?“ „Послушай, старичокъ, — отдай мнѣ, я чово самъ знаю, то и ево выучу“. — „Братъ, да оченно радъ,“ говоритъ старичокъ, „нарошно и пошовъ я искать такихъ людей, штобы ево выучить,“ согласивсе на это. Незнакомецъ сказавъ: „я беру съ тѣмъ, што на три года, а черезъ три года если узнаешь ты ево, то твой, а не узнаешь — мой“. Старикъ поглядѣвъ на мальчика и думаетъ: „неужли я не узнаю черезъ три года своево сына? не черезъ тридцать лѣтъ“... Согласивсе старикъ и пошли онѣ въ городъ, пришли онѣ въ городцкую думу, сдѣлали условье между собой. Когда все это заключили, — незнакомецъ повелъ мальчика къ сибѣ, а старичокъ пошовъ домой. Приходя, старуха ево и спрашиваетъ: „куда-жо ты мальчика отдавъ? Старикъ отвѣчаетъ, што „отдавъ въ

ученье, да не такъ ловко: черезъ три года узнаю, такъ мой сынъ, а не узнаю, такъ ево“. Старуха говоритъ: „ну, дѣлать нечево, неужли не узнаешь?“

Вотъ проходитъ три года и надо старику въ утрѣ идти за расчетомъ къ незнакомцю; сидятъ онѣ со старухой да ужинаютъ. Вдругъ на окошко явивсе голубокъ; онѣ отворили окно, голубокъ залитѣвъ къ нимъ въ избу и ударивсе о полъ, и очудивсе прекрасной молодець. „Здравствуй, говоритъ, батюшко! ты въ утрѣ будешь за расчетомъ, тибѣ не узнать меня: насъ выведетъ учитель 40 человѣкъ и всѣ равны какъ голосомъ, какъ волосомъ, какъ руками, какъ ногами — всѣ што одинъ! Смотри: я выпущу изъ правово рукава алой ленточки немножко, ты смотри замѣть! А во второй разъ выведетъ насъ учитель, я изъ другой руки выпущу ленточки — замѣчай это! А какъ въ третій разъ выведетъ, — я изъ голенища правой ноги выпущу ленточки немножко“... Сказавъ это, ударивсе о полъ, только крыльѣ пропѣло, какъ улитѣвъ вонъ! Старикъ по утру вставъ и пошовъ въ городъ. Приходитъ онъ въ это заведеніе, гдѣ учитсе ево сынъ, доложили учителю, што человѣкъ пришовъ за расчѣтомъ. Приходитъ учитель: „Здравствуй, старичокъ!“ „Здравствуй, говоритъ, батюшко!“ Спросивъ учитель: „што за расчѣтомъ, дѣдушко?“ „Да, тошно такъ, батюшко!“ говоритъ старикъ. „А ты знаешь, какое у насъ было условіе: узнаешь сына, такъ твой, а не узнаешь — мой?“ „Знаю, говоритъ, батюшко!“ Вотъ учитель разъ вывелъ 40 молодцевъ, всѣ какъ одинъ, другой вывелъ и третій — старикъ все угадывавъ, потому — какъ ему ранѣе сказаво. „Ну, говоритъ учитель, обирай, только и было!“ Вотъ онѣ вышли на улицу съ сыномъ, отецъ ему и говоритъ: „у насъ дома недостатки, сынокъ, — какъ мы будемъ жить?“ „О! — говоритъ сынъ, — мы скоро разбогатѣемъ, батюшко!.. Я вотъ обернусь въ лошадь — мерина, ты за меня проси 300 рублѣвъ, только смотри продавай безъ уады“.

Вотъ вскорѣ онъ (сынъ) обернувся въ прекраснѣйшова мерина, таково, што старикъ едва влезъ на ево; поѣхавъ старикъ въ городъ продавать ево, а на встричу попадаетъ ему человѣкъ и говоритъ: „Здравствуй, старичокъ! што не продаешь-ли ты мерина-то?“ Старикъ отвичеетъ, што продаю. „Сколько берешь за ево?“ „Триста рублѣвъ!“ Тотъ отдаётъ

деньги. А это бывъ учитель, которой узнавъ, што мальчикъ обративсе въ мерина, нарочно пошовъ, штобы купить ево. Старикъ (получая деньги) говоритъ, што погоди, я хоша продававъ за 300 рублевъ, но безъ узды“. Между ними вышла шухома, услышала объ этомъ полиця, пришла, сказала „што у васъ за шумъ?“ Покупатель говоритъ: „вотъ я купивъ лошадь, а онъ не отдаетъ узды!“ Полиця обсудила старика, што безъ узды лошадь не продають. Покупатель сѣвъ на лошадь и поѣхавъ, а старикъ поплакавъ, што лишивсе своего сына да и побрѣвъ домой. У этово учителя была приготовлена плеть, и онъ розсердивсе на своего ученика и давай этой плетью ево жець; 70 верстъ на одну пряжку стегнувъ на нёмъ, (такъ что) у тово кровяная пѣна клобукомъ покатилаcь.

У учителя была сестра, приѣзжаетъ онъ къ сестрѣ и, не спрашивая ее, спускаетъ коня въ конюшну, а вмѣсто корма поставивъ ему подъ рыло горшокъ горячово уголья. Приходитъ въ домъ сестры, она и спрашиваетъ ево: „Куды, братецъ, путь держишь?“ Онъ говоритъ: „Вотъ я ѣду къ тибѣ, а лошадь тамъ не глядите, я заставъ въ конюшну и давъ корму“... Потомъ онъ валивсе на лавку и заснувъ мертвымъ сномъ Сестра подумала: „што этово прежде не-коли не бывало, штобы безъ спросу моего онъ пустивъ лошадь и давъ корму; „пойду-ко погляжу“, думаетъ. Пришла въ конюшну, отворѣтъ двери, а тамъ полная конюшна пару и чаду, смотреть, а у мерина горшокъ уголья подъ рыломъ. Она пожалѣла ево, захотѣла прохолодить, вывести на улицу; вывела, а онъ рыломъ такъ и шевыряетъ; она думаетъ, што надо напоить, видно пить хочетъ, привела ево на прорубь, а онъ все-таки не пьетъ, только рыломъ шевыряетъ. Она опеть подумала, што отъ тово не пьетъ, што въ уздѣ,—сняла узду; но лишь успѣла снетъ, конь въ прорубь ишо маршъ! Тогда она пошла къ брату и обсказала обо всемъ, што сдѣлала:—„хотѣла лошадь напоить, а она не пьетъ, сняла узду, а онъ ишо скочивъ въ прорубь“. „Ахъ, сестра! сказавъ братъ, —напрасно суешсе въ чужое дѣло“... Повернувсе и побѣжавъ въ прорубь, бросивсе туда и превративсе въ большую щуку и начавъ ходить по рикѣ, а тотъ превративсе въ ерша. Вотъ онъ (учитель) нашовъ ерша и хотѣвъ проглотить, но ёршъ поворотивсе хвостомъ къ щукѣ, беретъ

нельзя. Щука начала просит(ь) ево: „Ершъ! поверотись ко мнѣ головой“. Ершъ сказавъ: „Врѣшь, сволочь! хочѣшь истъ ерша — ѣшь съ хвоста“... На щуку напавъ сонъ и ее быстрой водой укатило въ буклю. Ершъ поплывъ по рикѣ и доплывъ до одново государства. Въ то время изъ дворца вышли за водой двѣ царскіе слуги, а онъ обвернувся въ колечко; одна (изъ слугъ) черпала воду, вдругъ ищо сбрыкало въ ковшикѣ, а посмотрела—золотое колечко. Вотъ объ этомъ слуга и сказала нянѣцѣ царѣвы дочери Анастасіи: „Мы, говоритъ, съ такой-то три дня тому назадъ ходили по воду и нашли тамъ колечко, каково у васъ нѣтъ!“ Анастасія и сказала: „принеси мнѣ это колечко!“ Вотъ она и принесла; ей (Анастасіи) понравилось и говоритъ: „давай сменяемъ!“ Та смѣняла. Вотъ Анастасія носитъ это колечко день, вечеръ; собрали ужинъ, — отужнала и легла спать. Какъ только зажмурила глаза, — онъ изъ колечка превративсе въ прекраснѣйшова молодця; подошовъ къ ней и поцѣловавъ. Она хватилась и про себя говоритъ: „Што это такое? нечистый духъ или Ангелъ?“ Зажмурила во второй разъ глаза, онъ опѣтъ подошовъ къ ней и не могъ утерпеть, — поцѣловавъ. Она опѣтъ думаетъ: „што это такое?“... Вотъ она приготовила машинку, которая въ одинъ михъ могла достать огня. Вотъ она въ третій разъ зажмурила глаза, онъ опѣтъ не утерпѣвъ, подошовъ и поцѣловавъ ее; она ищо сичасъ машинку тронула и появивсе свѣтъ по всей комнатѣ. Видитъ она, што стоитъ передъ ней молодець прекраснѣйшей у кровати; она и спрашиваетъ ево: „Кто ты такой?“, „Я, говоритъ, человекъ“. „Какъ ты понавъ въ мой кабинетъ?“ „Я бывъ, говоритъ, на вашей рукѣ колечкомъ!“ Она посмотрела на руку, — колечка нѣтъ, и спрашиваетъ ево: „Какихъ вы родовъ—высокихъ или низкихъ?“ Онъ отвичеетъ: „Я родовъ не высокихъ — крестьянской сынъ“.—Ей онъ понравивсе: „Ну, говоритъ, лѣжись ко мнѣ на кровать“... Вотъ онѣ и стали такъ жить: ночью спитъ съ ней молодцомъ, а днёмъ на рукѣ колечкомъ.

Щука (учитель-колдунъ) черезъ недолгое время проспалась и по всей рикѣ изошла, — ёрша не могла найти; вышла изъ рики, обратилась въ человека и разведавъ про ученика своего, што онъ живетъ въ такомъ-то государствѣ, съ такою-то дочерью царской Анастасіей. При-

ходить онъ въ это государство и напускаетъ на эту царскую дочь неизлечимую болѣзнь. Она заболѣла, государь по всѣмъ землямъ давъ знать, чтобы доктора ѣхали. Всѣ съѣхались; никто не можеть излечить ее, стали приготавливать къ смертѣ. Является къ государю этотъ самый учитель и говоритъ, што „я дочь вашу вылечу, государь, што вы дадите мнѣ за это?“ Государь отвичавъ, што „если тебя будетъ на это дѣло,—вылечишь дочь, то я тибѣ города съ пригородками, села съ приселками отдамъ, а золотая казна не затворена для тебя!“ Учитель отвѣчавъ, што мнѣ не надо твои города съ пригородками, не села съ приселками и золотая казна, а за работу отдай только колечко твоей дочери, што носить на рукѣ“. Государь сказавъ: „если вылечишь, то я прикажу дочерѣ отдать это колечко, я ей куплю и лучше“.

Вотъ онъ и начавъ лечить ее и въ скоромъ времени вылечивъ,—по старому сдѣлавъ. Вотъ Анастасія спитъ со своимъ молодцомъ ужъ послѣднюю ночь; онъ ей и говоритъ: „Въ утрѣ будетъ расчѣтъ, станутъ у тебя просить колечко, (если) ты не можешь устоять, то шиби колечко на полъ, я розсыплюсь на мелкіе жемчужинки, тогда замѣтъ—одна жемчужинка подкатитсѣ къ твоимъ ногамъ, ты заступи ногой, башмачкомъ и смотри, што у нихъ будетъ; вслучаѣ дай слабину ногѣ на ту пору!“...

Настаетъ утро, государь приходитъ въ комнату дочери съ учителемъ и говоритъ ей: „Любезная моя дочь Анастасія! какое у тебя есть колечко? сей человекъ воротивъ тебя отъ смерти и проситъ ево,—ты отдай ему, я тибѣ куплю лутше!“—„Нѣтъ, папенька, лутше этово тибѣ не купить!.. Но—воля твоя, я не прекословлю“... Сказала это и снимаетъ кольцо съ пальца и бросаетъ на полъ; колечко разлетаетсѣ на мелкіе жемчужинки, одна жемчужинка вблизи ноги еѣ подкатилась, она и заступила еѣ башмачкомъ. Въ это время учитель превративсѣ въ пѣтуха и начавъ клевать жемчужинки. Она (Анастасія), видя такое дѣло, даетъ ногѣ слабину. Изъ подъ ноги выскочивъ молодець, схвативъ ножъ, хрестъ пѣтуха...

Отрубивъ голову. Государь, видя это, сказавъ: „што за чепуха?“ Онъ подходитъ и говоритъ ему: „я бывъ подъ ногой дочери вашей!“ — „А ты кто такой? Духъ нечи-

стой, или што такое"? Отвѣчаетъ онъ: „я — человѣкъ!“ „Какихъ родовъ?“ — „Крестьянсково роду“. Тогда государь отдавъ ему престолъ своево царства и свою доць, прекрасную Анастасію.

Вельскій у. Запис. отъ Ф. Старцева. 90-е годы.

25. Семёнъ-скоробогачъ.

Жили два брата, третій отецъ; жили онѣ богато, было у нихъ всечины довольно. Вотъ у большово сына Семена накопилось семеро дитей. Отецъ и отдиляетъ большово сына (т. е. Семена) и не даетъ ему нечово; все малому сыну оставляетъ. Напотомъ Семень ставъ жить бѣдно, дажо занявъ у попа на посѣвъ ржи. Вотъ разъ онъ поѣхавъ въ лѣсъ по дровця на кобылѣ бѣлой. Пріѣхавъ онъ въ биль, надъ этой билью боръ, — превеличайшая гора. Увидѣвъ Семень сушицю и пошовъ къ ней, штобы срубить, вдругъ учувъ шумъ. Подходить къ тому мѣсту, гдѣка шумъ, и видитъ: 40 человѣкъ разбойниковъ идетъ, а сдѣланъ у ихъ въ ту гору ходъ земляной. Вотъ подошовъ къ этимъ воротамъ самъ атаманъ: „Двери, говоритъ, шлюзами растворитесь!“ Двери растворились, вотъ они што наворовали и снесли туда, а потомъ и вышли вонъ; атаманъ опѣтъ сказавъ: „двери, шлюзами затворитесь!“ — двери затворились. Вотъ атаманъ опѣтъ всѣмъ наказываетъ: „Ну, господа! штобы каждый изъ васъ наживъ не меньше, какъ 100 рублѣвъ, безъ тово и не являйтесь, а я самъ сколько могу нажить“. Вотъ всѣ и разошлись по тропинкамъ на большіе дороги. Семень возьметъ да и придетъ туды послѣ ихъ и говоритъ: „Двери, шлюзами растворитесь“; сичасъ двери растворились, онъ зашовъ туда и давай огребать золото и серебро; цѣлой возъ наваливъ, на дровни сѣвъ да и домой отправивсе. Домой пріѣхавъ и сказавъ жонѣ: „Принеси-ко малѣнку, надо смирать золото и серебро, я привезъ много“. Жона принесла малѣнку отъ снохи (своей-то не было! пояснивъ рассказчикъ) какъ бы для ржи; онъ деньги смиравъ и сволокъ ихъ въ яму. Сноха была догадлива, думаетъ „што это онѣ говорятъ, што попу надо отдать рожь, а